

Информация

“REMEZ”

№24

Июнь 2011 г.

Ксерокс - газета

общества любителей птиц

Орнитологические соревнования

«Ремез»

24 апреля впервые в Казахстане прошли соревнования по спортивной орнитологии. Участникам этих соревнований надо было точно знать названия птиц и иметь фотоаппарат с достаточно большим фокусом (зумом) объектива, чтобы зафиксировать встречу с птицей. Качество снимков, при этом, особого значения не имело. Главное – узнаваемость птицы. Организатором соревнований, которые прошли на территории Сорбулакской системы озер в 60-ти километрах от Алматы, была Казахская ассоциация сохранения биоразнообразия (АСБК). Желающих поучаствовать в мероприятии оказалось достаточно много. Так что удалось сформировать 8 команд, разделенных на 2 категории: 4 команды «Новичков» и 4 «Мастеров».

Команда «Ремез» (Д. Афанасьев, В. Дворянов, В. Хроков), определив и сфотографировав в отведенное время 19 видов птиц, заняла 3-е место в группе «Мастеров» и 4-е общекомандное место. Составить конкуренцию «Мастерам» из команд «Ветер странствий» (48 видов) и «Бугага» (47 видов) оснащенным специальной профессиональной фотоаппаратурой «ремезовцам» с их любительской слабоватой оптикой было нереально. А вот то, что с общекомандного третьего места нас потеснили юные натуралисты из команды «Киви» (23 вида) немного обидно. Но тут уж, как говорится, как потопаешь, так и... пофотографируешь.

В конце мероприятия победители в торжественной обстановке получили соответствующие дипломы и призы, а остальные участники - различные подарки. Ну, а лучшим подарком для всех было конечно общение с друзьями-единомышленниками и с замечательной весенней природой.

В. Н. Дворянов

АПРЕЛЬСКИЙ УЧЕТ ПТИЦ В АЛМАТЫ

Во время последнего опроса от В.Н.Дворянова поступило предложение проводить городской учет птиц 4 раза в год по числу сезонов: весной, летом, осенью и зимой. Весенний учет «ремезовцы» провели 9-10 апреля. Кроме «ветеранов» (Н.Гусев, В.Дворянов, В.Хроков и А.Левин) на этот раз в мероприятии участвовали 2 новых учетчика – И.Сербин и Д.Афанасьев. Маршруты проходили в восточных, северо-западных и центральных районах города. Всего за 9 утренних часов наблюдатели зарегистрировали 880 особей 29 видов птиц. Фонowymi, как всегда, оказались: домовый воробей (31,6%), сизый голубь (18,6%) и «Птица года» - большая синица (12,5%). Довольно обычны были майна, черный дрозд, сорока и зеленушка. Из числа зимующих у нас птиц в небольшом числе встречались юрок, чиж, зяблик и чернозобый дрозд, а также не успевшие подняться в горы арчовый дубонос, красношапочный вьюрок и черная ворона. В то же время отмечены прибывшие с юга перелетные птицы: маскированная трясогузка, пеночка-теньковка, удод, лысуха, камышница и озерная чайка (последние 4 вида встречены у пруда на окраине мкр-на Акбулак). Досадно, что горлицы становятся все более редкими в Алматы: учтено всего 3 кольчатых и 15 египетских (больше половины из них в районе «Компота»).

Думаю, что будет интересным сравнение этих учетных данных с материалами апрельского учета в 2009 г. Тогда также за 9 учетных часов было встречено 25 видов, при общей численности 991 особь. Лидировали те же 3 вида, однако обычным оказался и полевой воробей, тогда как в этом году отмечена всего 1 пара. Египетская горлица была встречена всего одна, а кольчатых оказалось чуть больше – 9 особей. Зато значительно больше было учтено сизых голубей. Тогда была встречена одна запоздавшая серая ворона и 3 грача (в этом году 1 грач), но не было черных ворон. Из числа прилетевших мигрантов в апреле 2009 г. были отмечены еще черныш, варакушка и деревенская ласточка.

Проведение следующего городского учета птиц предполагается в июле. Приглашаем всех желающих поучаствовать в этом увлекательном и полезном занятии.

В.В.Хроков

НАБЛЮДЕНИЯ ПТИЦ В МАЕ

В мае этого года я сопровождал 2 группы немецких бедвочеров по традиционным маршрутам в Акмолинской и Алматинской областях. За время поездки с первой группой с 7 по 20 мая нам встретились 250 видов птиц (половина от всей орнитофауны Казахстана!) и примерно столько же, плюс-минус 5-10 видов, с другой группой во второй половине мая. На Кургальджине было отмечено 134 вида, на Большом Алматинском озере – 60, в национальном парке «Алтын-Эмель» - 72. В восточной части Алматинской области (Чилик, Чарын, Тимирлик, Ясенева роща) мы наблюдали 106 видов птиц, а в ее западной части (Сорбулак, Каншенгель, Топарские озера) – 131 вид.

Особый интерес у иностранцев вызывали хищные птицы (орлы – степной, беркут, карлик; ястреб-тупица, степной лунь, дербник, крупные падальщики – кумай, бородач и др.), рябки (чернобрюхий и белобрюхий, саджа), гималайский улар, журавль-красавка, джек, савка, из куликов – кречетка, степная тиркушка и каспийский зук, также бурый голубь, белокрылый дятел и экзотические для них воробьиные птицы (овсянка Стюарта, черный и белокрылый жаворонки, синяя птица, бурая оляпка, саксаульный воробей, черногрудая красношейка, сорокопут-шах, черноголовый ремез, южная бормотушка, ряд высокогорных видов завирушек, горихвосток и вьюрков). К сожалению, обе мои группы так и не увидели расписную синичку (как и в прошлом году), но оказавшимся в это же время на БАО шведским бедвочерам повезло больше, они видели и даже сфотографировали одну птичку. Не попался нам на глаза и стервятник, хотя в предыдущие годы он всегда наблюдался на Чарыне и Тимирлике. Однако в основном удалось посмотреть все, что планировалось.

Как известно, иностранные любители птиц, много повидавшие в разных странах на разных континентах, нередко выдают «желаемое за действительное» и их определение некоторых птиц бывает ошибочным. Так, вызывают сомнения встречи немцами хохлатого осоеда на Кургальджине (известно нахождение в Восточном Казахстане) и ястребиного орла в Сюгатинской долине (известны 2 встречи на крайнем юге Казахстана 100 лет назад). И уж совершенно сомнительной, на мой взгляд, является встреча ими кулика-дутьша (*Calidris melanotos*) у скважины в Таукумах, который никогда не регистрировался в Казахстане. Когда я выразил сомнение и недоумение по этому поводу, Фритц уверенно возразил: «Я его хорошо знаю, так как видел на Карибах». Остается добавить, что дутьш очень похож на острохвостого песочника, который изредка появлялся на пролете на оз. Сорбулак.

Нынешняя весна была «урожайной» на иностранных бедвочеров, в мае на БАО побывало 7 или 8 групп. Очевидно, кризис действительно отступает. Кроме меня в качестве гидов-орнитологов работали еще трое «ремезовцев»: Евгений Беседин с бельгийцами, Андрей Коваленко с французами и Ерлан Бекбаев со шведами.

В.В.Хроков

Птичий рынок

В прошлом номере газеты мы рассказывали о соловье В.П. Ямщикова. Птица во время пения старалась «переорать» все другие громкие звуки. В 3-х метрах от клетки этого соловья на аквариуме стояла китайская игрушка в виде цветастой птички, сидящей на ветке. Если возле неё громко хлопнуть в ладоши, птичка-игрушка начинала вертеться из стороны в сторону, громко свистеть и щебетать. Некоторые колена соловья звучали столь резко и громко, что нередко включали игрушку. А поскольку соловей при этом начинал петь громче и азартнее, то игрушка не выключалась, подолгу щебетала и дразнила соловья, пока он не уставал петь или пропускал во время пения резкие трели. Со стороны это выглядело забавно, но людей неподготовленных громкое продолжительное соловьиное пение в комнате просто оглушало. Да и Василий Петрович накрывал вечером соловьиную клетку одеялом, чтобы не просыпаться среди ночи или рано утром и не выслушивать жалобы соседей. В свое время он держал на балконе перепелов с хорошим резким боем, но соседи красоту перепелиного пения, которое начиналось в 4 часа утра, не оценили и периодически Василий Петрович просыпался, ни свет, ни заря не только от перепелиных криков, но и от грохота камней по балкону.

Схожие проблемы время от времени возникают и у Еркена Дарабаева, который держал, держит и наверняка будет держать своих пернатых любимцев на балконе. Как-то сынишка сообщил ему, что видел, как сосед дядя Саша из другого подъезда ходил рано утром с ружьем под их окнами и высматривал в кронах деревьев ненавистных певцов. К счастью для Еркена «дядя Саша», опытный боксер, хорошо знающий всевозможные боксерские приемы, плохо знал экологию птиц и высматривал крикливых перепелок не на балконах, а в чаще ветвей карагача. В тот раз, как говорится, от греха подальше, Еркен перепелов с балкона убрал...

К сожалению, поющего в комнате дрозда, соловья, жаворонка одним движением руки не выключишь и звук не убавишь. Возможно поэтому в наш век телевиденья, компьютеров и мобильных ценителей пения птиц становится все меньше. А вот 100 – 200 лет тому назад музыка была в дефиците. Услышать ее можно было только вживую. А самый простой и доступный способ слушать постоянно у себя дома мелодичные звуки – поселить в комнате певчую птицу. О том, как много было тогда любителей клеточного содержания соловьев, славок и прочих птиц, как много было охотников-знатоков птичьего пения можно судить из двух ниже приведенных отрывков, взятых из книги И. К. Шамова «Наши певчие птицы», изданной в 1910 году.

Разделение певчих птиц.

Приступая к описанию певчих птиц, содержащихся в клетках, мы разделим их на две группы, именно: на группу зерноядных птиц и группу насекомоядных; насколько отличаются наружно птицы, питающиеся зерном, от насекомоядных, это наглядно можно объяснить себе по натуре, например при сравнении зяблика с пеночкой, и потому мы будем рассматривать всех взятых нами птиц главным образом в отношении песни.

У птиц зерноядных — конусоклювых, каковы канарейка, щегол, зяблик, реполов и друг., песня состоит или из нескольких различных одно от другого колен, исполняемых почти без пауз, так что выходит одна сложная длинная песня с преобладающими стукотнями и россыпями на несколько манер, при второстепенных полуударных коленях и свистовых (канарейка, щегол, реполов), или из одного колена, в три-четыре удара, как у овсянки. Притом у одних песня состоит из собственных характерных колен или песен (зяблик, щегол), у других она смешана в большей или меньшей степени с чужими (реполов, чиж). Но, как бы ни было, главнейшая характеристика пения всех этих птиц есть россыпи и стукотни в различных изменениях, от обыкновенного короткого раската до самой высокой трели и от простого «тёвкания» зяблика или щегла до юлиной или овсяночной стукотни «в звон». Тон их песни, говоря вообще, сильный, резкий и относительно грубоватый. Достоинства определяются длиной колен, россыпи или стукотни выразительностью исполнения.

Иначе у насекомоядных птиц. Тут песня значительно богаче звуками и характеризуется главным образом свистами, очень разнообразными, у иных нежными и замечательно мелодичными (пеночка), у иных сильными, покрывающими весь хор леса (соловей, дрозд), и исполняется или одним коленом, как у пеночки, иволги и друг., или состоит из нескольких различных колен, как у соловья, дрозда и друг. Притом песня исполняется не слитно, как у зерноядных, но каждое колено (или песня) отдельно, более или менее с паузами. В этом отношении исключение составляет жаворонок и поющие одной песней (пеночка, червячек и др.), у большинства же она разделяется, что особенно замечается у синиц. В отношении состава песни тут так же, как у зерноядных: у одних она собственная, характерная, как у пеночки, юлы и др., у других смешана с чужими песнями и криками, как у соловья, малиновки и др., у третьих вся или почти вся собрана из копировки чужих позывов и песен, как это слышим у скворца, болотной камышевки, варакушки и др. К характеристике пения насекомоядных также относится их расположение петь по ночам, в темноте, чего у зерноядных не замечается *) (за исключением дубровника, поющего ночью «накриком»). Камышевки, варакушки и нередко соловей преимущественно ночные певцы.

При этом общем описании пения взятых нами птиц мы исключаем несколько таких, которые песни или вовсе не имеют, а произносят лишь позывы, усиливая их во время токования или сокращая при обыкновенной переключке (клевст, свиститель и др.) или имеют лишь короткую, простую, неотличающуюся звуками песню и не имеющую интереса для охотника или любителя.

*) Собрание муравьиных яиц во многих подмосковных селах и деревнях составляет весьма выгодный промысел, достигающий солидной цифры оборота. Каждый из собирающих в течение лета добывает яиц приблизительно до 25 п., продавая этот готовый товар в лавки Охотного ряда, или на птичьем рынке, сначала, пока добыча не обильна, по 5 р. за четверть меры, позднее 3 р. 50 к. и дальше постепенно дешевле. Большую роль играет при добывании яиц погода. Когда весна ведренная и теплая, яиц собирается много, а в холодную и ненастную погоду, препятствующую размножению насекомых, — мало, и цена на них при наличности ртов, т.е. прилетевшей птицы, — страшно высока. Крестьяне ближайших подмосковных деревень привозят яйца в свежем виде, из отдаленных же местностей (с. Аргуново, Владим. губ., и г. Юрьев, также Звенигород, Московской губ.) привозят сюда в конце лета уже сухие яйца и продают большим количеством, по несколько десятков пудов, в те же птичьи лавки Охотного ряда. Оптовые цены в лавках при различных обстоятельствах колеблются от 8 до 25 р. пуд; повышение цены нередко обуславливается большим спросом на яйца за границу. Розничные цены 40, 60 и 80 к. фунт, смотря по качеству товара; лучшие яйца Аргунская, они чище, без примеси сора и вообще лучшего приготовления.

1 п – пуд (16кг.)

«Несушка»

Зимой 2009-2010 гг. в моем хозяйстве среди птенцов волнистых попугайчиков стали появляться рахитики с неровным оперением и кривыми ногами. Я стал больше давать кормящим птицам мягких кормов, моркови, но заметного улучшения не последовало. Как-то в одном из магазинов мне попалась на глаза витаминно-минеральная добавка для птиц «Несушка» местного производства. Это была килограммовая пачка сухого порошка с неплохим набором витаминов и микроэлементов. Суточная норма добавки на курицу 1г. Я решил ее взять на пробу и не прогадал. Ежедневно добавляя маленькую щепотку «Несушки» в мягкий корм я вылечил рахитиков и в дальнейшем эта проблема меня уже не беспокоила. Взрослые птицы летом не без ее влияния хорошо перелиняли. Словом, алматинской «Несушкой» я вполне доволен.

Вообще - то к подобным добавкам надо относиться осторожно. Составы их разные. Бывает, попадают липкие, прогорклые. Такие лучше не покупать.

В.Н. Дворянов

Орнитологические зарисовки

По Наурзуму

В начале лета по закустаренным опушкам колков на глаза то и дело попадаются неторопливо скользящие над кустами **луговые луни**. А если поблизости есть какая-либо пресная вода, то одновременно можно видеть нескольких луней. В благоприятные годы в таких местах они образуют какое-то подобие разрозненных колоний с расстоянием между гнёздами не больше ста метров. Самец лугового луния такой же «седой», как и другие луни, только на нижней стороне тела у него видны продольные рыжие штрихи. Одинаково коричневые с белой полоской у основания хвоста самки лугового, степного и пролетающего у нас полевого луней трудно различимы на расстоянии даже для опытного наблюдателя. Белые, без всяких крапинок, яйца луговые луни кладут прямо на землю среди густых зарослей шиповника, куда ни один четвероногий хищник в здравом уме не полезет. Только изредка гнёзда луней разоряют ежи. Насиживающая самка вылетает на голос самца и на лету принимает у него добычу. Этот, обычный у хищных птиц способ передачи корма, у луней выглядит особенно эффектно. Самец может находиться в нескольких метрах над самкой, и брошенная добыча успевает набрать скорость. При ловле самка переворачивается, хватает вытянутыми ногами падающий комок, который своей инерцией заметно дёргает её к земле. Каждый раз кажется, что при своей медлительности самка лишь случайно поймала брошенную самцом добычу. Но приём отработан идеально, и промахов не бывает. Во время охоты луни летят обычно вдоль какой-либо ландшафтной протяжённости. Это может быть кромка луга, граница кустарников или полевая дорога. Активный полёт чередуют с длительным планированием над самой землёй. Происходит такой полёт навстречу ветру до границы участка. Возвращаясь на подветренную часть своей территории, лунь летит высоко, но продолжает вертеть головой в поисках возможной добычи. Цикл может повторяться несколько раз без заметного изменения маршрута.

Сравнительная доступность для наблюдения позволяет выявить у луней индивидуальные предпочтения в видах добычи и способах охоты. Один из наблюдаемых самцов, к примеру, в течение двух дней приносил самке только слётков полевого жаворонка. Другой наловчился подхватывать взлетающих с дороги молодых ласточек-береговушек, которые в ветреную погоду большими стаями рассаживаются и прижимаются к земле на чистых, без травы, местах. Одна из самок регулярно сопровождала проезжающие к кордону машины. Летела параллельным курсом в тридцати метрах от дороги и ловила отвлечённых шумом мотора грызунов.

Во второй половине июля на кустах, на кочках или на квартальных столбиках уже сидят тёмно-коричневые молодые луни. Они доверчивы и позволяют хорошо себя рассмотреть. Круглое «лицо» и расположенные в одной плоскости глаза придают им очень «умный» вид. Летают они ещё неуверенно, поймать никого не могут и *флегматично* ждут родителей с кормом.

Количество гнездящихся луговых луней может изменяться по годам в несколько раз, в зависимости от «урожая» мышевидных грызунов, которые, при всех индивидуальных пристрастиях, служат основой питания луней.

А.П.Моисеев

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

Воспоминания о Сёмке

Среди птиц, воспитанных мной в школьные годы, особенно памятна пустельжата, а среди них – Сёмка. Выращенные птенцы удивляли своей привязанностью к человеку и игривостью. Во время игры ещё полуперённые птенцы, хватая лапами лежащие на земле щепки и камешки, подкидывали их клювами и лапами

вверх и снова хватали. В такое время Сёмка иногда приседал и, чиркая крыльями по земле, мелко-мелко семенил на «коленках», как это делают купающиеся в пыли куры. Это доставляло ему, как видно было, большое удовольствие. Во время игры со мной, он нередко с криком «восторга» перекатылся через спину. Ещё будучи оперяющимся птенцом, он часто заглатывал мелкие камешки – гастролиты. Как ни странно, но пустельжонок пристрастился к поеданию отваренной вермишели! Поедал он её как и саранчуков, держа в лапке и постепенно откусывая. Поразительно, но нетрадиционная для хищника пища нормально усваивалась! Жил он свободно на плоской саманной крыше дома, где для него у трубы был сооружен небольшой навес от солнца. Он отлично узнавал меня по голосу.

Каждый раз, возвратившись с рыбалки, я звал его и он, ещё не видя меня, сразу же отзываясь, бежал к краю крыши, чтобы получить корм. Были случаи, когда его поочередно звали три-четыре моих сверстников, но на их призывы он не отзывался. С ним я постоянно уходил на склон соседней горы, где ловил ему кобылок. Каждый раз, когда я хлопал ладонью, накрывая насекомое и, помахиывая рукой, подзывая его, пустельжонок, бежал, чтобы получить корм. Взрослея, он научился ловить саранчовых сам. Но, хлопок по земле и помахивание рукой с «жертвой», стали для него важнейшим условным рефлексом. Так же поступал я, когда предлагал ему мелкую рыбу или мясо. Научившись летать, он исчезал на день в горах, где было много выходящих на поверхность скал и большой утёс, на котором он и проводил время. Но каждый раз, при призыве, он с лёту «падал» с высоты и садился на руку. Делал это он очень эффектно: сначала с высоты 50-100 метров пикировал, затем в 20-30 метрах останавливался и зависал, трепеща крыльями, через несколько секунд опускался до 10-15 метров, и после очередного зависания и рассматривания меня, садился на вытянутую руку. Часто это делал так, что спикировав с высоты, он зависал в метрах 30 в стороне от меня на высоте до десятка метров, сложив за спиной крылья, так что только плечи были выставлены вперёд и слегка раздвинуты в стороны. При этом концы крыльев были сложены крестом за спиной и хвостом. Сам же хвост в это время полностью был развёрнут веером. Подлетал к руке он с выставленными перед собой лапами. Создавалось впечатление, что в это время, он «сидит» на хвосте и косо пикирует по наклонной на большой скорости. Однако в последний момент легко и красиво садился на руку. Это было захватывающее зрелище!

С начала августа он целыми днями находился в горах. Только под вечер, перед самым закатом солнца, появлялся на столбе у дома, с которого «нырял» в сени и занимал своё любимое место на открытой двери. Утром, перед тем как улететь, он слёту хватал приготовленный для него кусочек мяса или мелкую рыбёшку, и сразу же улетал с кормом в лапах в горы. Неоднократно в его поиске в горах в конце августа я вызывал его по той же самой методике из небольших рыхлых «стай», кружащихся над склоном горы. В этих скоплениях в это время численность пустельг доходила до 20-30 особей. Стоило мне только начать звать его, хлопая по земле ладонью, помахиывать руками, как сокол, не мешкая, чередуя пикирование с зависанием, садился на мою руку. При общении с ним, в таких случаях, всегда угощал его слюной изо рта. Он охотно принимал эти знаки внимания и успокаивался. Но никогда я не брал его со спины, на что птицы реагируют всегда отрицательно, и на этом выстраивались наши доверительные отношения и дружба. Многократные попытки посторонних мальчишек подманить, подстрелить из рогатки, всегда оставались безрезультатными. Сёмка хорошо знал меня и доверялся только мне. Особенно после случая, когда чужие люди подманили его мясом, поймали и продержали в клетке 18 дней. Однако выпущенный, он сразу же прилетел домой, сел на столб и «нырнул» в сени. С началом полёта в сентябре лесных коньков и трясогузок, которые в большом количестве опускались на склон сопки и кормились, мы выходили на охоту. В эти минуты он сидел на руке, а я осторожно шёл к кормящимся птицам. Каждый раз, стоило только какой-либо пичуге скрыться за камнем или за небольшим уступом скалы, Сёмка тут же бросался следом и каждый раз пытался поймать её врасплох. При этом он выбрасывал вперед лапы и, подобно кошке, пытался схватить жертву. Однако, за десятки таких попыток, ни одной птицы он так и не поймал. В конце второй декады сентября домой он не вернулся. На следующий год, 2 мая 1955 года, я бродил среди скал у Иртыша, в тех местах, куда Сёмка любил улетать прошлым летом. Случайно заметив тень птицы, я поднял голову и увидел кружащуюся над собой пустельгу. Я принялся её подзывать теми же приёмами, как это делал прежде. Пустельга тут же сменила направление и медленными кругами пошла на снижение. Примерно в 8-10 метрах она зависла надо мной в характерной пустельжиной стойке, но приблизиться так и не решилась. Спустя два десятка секунд она медленно, верша круг за кругом, стала набирать высоту и улетела на другую сторону Иртыша.

Б.В.Щербаков

О козле Яшке и козлином упряестве

Ранним утром из усадьбы заповедника на берегу Маркаколя мы вышли в дальний маршрут на водораздел соседнего хребта. Миновали проснувшуюся деревню и по тропе вдоль ручья стали подниматься в ущелье. Напротив, на крутом каменистом склоне, паслись деревенские овцы и козы. Многие из них каким-то чудом забрались на почти отвесные скальные стенки. Когда проходили мимо, от них отделился чёрный козленок

и затрусил в нашу сторону. Увидев его, сопровождавшая нас охотничья собака, залаяла и бросилась ему навстречу. При виде свирепого пса козленок не только не испугался, но и, выставив вперед острые рожки, храбро перешел в наступление. Ну, просто нахалёнок какой-то!

Услышав наши окрики, собака нехотя оставила маленького упрянца и он сразу же подбежал к нам. Мой спутник Сергей Гуцин, местный житель, работавший лаборантом в научном отделе заповедника, рассмеялся и пояснил:

— Это мой козленок, Яшкой звать!

Козленок действительно оказался воспитанником Сергея. Он выкормил его молоком из бутылки с соской и теперь, узнав хозяина, заменившего ему папу и маму, он ни в какую не хотел с ним расставаться. После безуспешных попыток вернуть его в стадо, Сергей взял его под мышку и подошел ко мне.

— Не отстанет он теперь, — в отчаянии сказал он, — как репей привязался!

Возвращаться домой уже не было времени и желания, поэтому, посоветовавшись, решили взять с собой этого упрянца.

Козленок был совсем юный, не более двух месяцев от роду. Он по-своему, до смешного, симпатичен и напоминает маленького чертёнка. В его красноватых глазах светится ум и упрямство – черта, свойственная этим животным с рождения. Над лобиком выдается вихрастый чуб, а на подбородке, несмотря на молодость, торчит клинышком приличная «аксакальская» борода. Шерсть смолисто-черная, слегка курчавая. Ушки не торчат, а висят. Зато короткий пушистый хвостик стоит торчком. Копытца узенькие, высокие, отчего при ходьбе он манерой напоминал девушку, в первый раз надевшую туфли на высоких каблучках. Возле нас держится невозмутимо, с достоинством.

И вот мы идем по горной тропе. Яшка трусит то впереди, то сбоку, то позади. Идем быстро, козленок иногда не поспевает за нами и поэтому время от времени пускается на хитрость: забегает вперед на тропу, замедляет шаг и не пропускает никого вперед, добиваясь таким образом, чтобы темп нашей ходьбы соответствовал его возможностям. Так в сопровождении Яшки мы поднялись на хребет. Козленок вымотался, выбился из сил и уже дальше «ехал» на плечах у Сергея.

На обратном пути отдохнувший Яшка вновь сопровождал нас пешком, но быстро уставал, забегал вперед, путался в ногах, но все же вынуждал нас замедлять ход. Его упрямство не сломила ни дальняя дорога – без малого двадцать километров – ни усталость, ни чувство голода. К траве он еще не привык, а его любимого молока у нас с собой, конечно же, не было. Но Яшка ни на минуту не потерял собственного достоинства, убедив нас в прочности существования, уже ставшего истиной, козлиного упрямыства.

Н.Н. Березовиков

Фотоохота

В мае 1988 года с Юрием Зинченко поехали мы вокруг озера Маркаколь. Работали мы тогда в заповеднике, где, как известно, водятся не только маралы и медведи, но и вкуснейшая рыба – ускуч. Весной ускуч нерестится, то есть икру откладывает, и не простую икру, а красную. Полакомиться деликатесом каждый хочет. Но озеро Маркаколь – государственный заповедник, все его обитатели, в том числе и ускуч (маркакольский ленок по-научному) охраняются законом. Каждый год весной дирекция заповедника организовывает рейды по охране рыбных запасов. Вот в такой рейд мы и отправились. Собирались мы основательно, как же, почти месяц под открытым небом нужно жить. Взяли с собой палатку, мешки спальные, теплую одежду, плащи, провизию, лагерный скарб, в общем, на каждую лошадь навьючили если не по сто килограммов, то по семьдесят точно. Смотрю, а Юра тащит еще какой-то чемодан, размером с небольшой холодильник.

- Там что у тебя,- спрашиваю,- пиво? А он обиделся:

- Какое пиво, это кофр,- говорит.

-Виски,- отвечаю,- меня один негр угощал, кальвадос пить приходилось, а вот кофр ни разу не пробовал.

- Да нет,- говорит Юра, - кофр – это чемодан такой специальный, для фотоаппаратуры, и внутри там никакое не пиво, а фотоаппаратура, как и положено.

Посмотрел я, правда – фотоаппаратура. Два или три фотоаппарата, куча объективов, всякие там кольца переходные, линзы, светофильтры, кассеты и прочая дребедень.

В заповеднике нам, - говорит, - охотиться все равно нельзя, а фотоохотой заниматься можно и даже полезно, на благо родной науке.

Ну и поехали мы на фотоохоту. Двух молодых лаек с собой взяли: Шугая и Кучума, ружья на всякий случай прихватили, для самозащиты от браконьеров. Ехали мы ехали, и остановились в первую ночь в Тополевке. До Тополевки пешком можно за три часа пройти, а мы целый день с утра до вечера тащились. И

причиной такой крайне низкой скорости нашего передвижения была фотоохота. Нелегкий путь наш был усеян фототрофеями. Едем мы спокойно, вдруг Юра останавливается, слезит с лошади и начинает кофр распаковывать.

- Что случилось? – спрашиваю.

- Сейчас, отвечает он мне, - я цветочек сфотографирую, больно экспозиция подходящая, а ты лошадь поддержи.

Я, значит, тоже спешиваюсь, держу его лошадь, а он начинает процесс фотографирования цветочка. Тут я должен пояснить, чем отличается настоящий охотник от ненастоящего, к примеру – фотоохотника. Настоящий охотник – это азарт, горячая кровь, пламенное, вечно молодое сердце! Настоящий охотник ищет достойный трофей, терпеливо, но азартно подкрадывается к нему и переходит к энергичным действиям: вскидывает ружье, прицел, БАХ, добычу в сумку, настроение отличное, пошли дальше. Фотоохотник – это совсем другое. Он как бы замороженный весь, как будто не в себе малость, или вот тоже у контуженных такое поведение бывает. По крайней мере, Юра мой вел себя около цветочка именно так. Полчаса он выбирал подходящий объектив, затем, ползая на коленях вокруг объекта, он искал оптимальное освещение, интересную композицию, единственно верную точку съемки и прочее. Весь процесс съемки напоминал шаманское колдовство, длился невыносимо долго и изрядно утомил меня, лошадей и собак. Наконец через сорок минут фотографирование закончилось, еще через полчаса была собрана аппаратура и водружен на лошадь кофр и еще через десять минут мы, все-таки, тронулись. Беда была в том, что весной вокруг очень много разных цветочков. Нормальный охотник обычно на них не смотрит, он даже ходит по ним, нередко на них сидит или лежит. Но фотоохотник их все снимает!!! Это длилось мучительно долго, как китайская казнь, но, в конце концов, мы добрались до Тополевки. Палатку разбили, коней расседлали, стреножили, костер разложили, уху быстро сварганили, собак покормили и сидим чай пьем, наслаждаемся природой. А над головой вдруг: «Беее..., беее». Бекас токует. Прямо над нами, наберет высоту и вниз в пике... вжииии, аж сердце замирает и дух захватывает.

- Юра, - говорю, - я конечно понимаю, что в заповеднике охотиться нельзя и мы с тобой защитники природы, но двойственность человеческой природы всем индивидуумам присуща, и если сейчас шестнадцатым калибром ударить, то как раз получится королевский выстрел, прекрасное дополнение к осточертевшей ухе, которую уже даже собаки не едят, и утешительное воспоминание в старости, когда сидишь возле камина и передаешь свой богатый охотничий опыт детям и внукам в назидание. Но тут, смотрю, он встал, нырнул в палатку и вылезает со своим кофром.

- Сейчас, - улыбается, - мы его для истории запечатлеем. И начал всякие запчасти в один агрегат свинчивать. Фоторужье, значит, готовит. Ну и пошел я спать, а друг мой до утра фотоохотой занимался. Хобби, что тут поделаешь?! Фотографии я, правда, того бекаса не видел, промазал, я думаю; бекас-то – это тебе не цветочек.

Было у нас с Юрой потом много незабываемых дней. Путешествовали мы вокруг озера не спеша, наслаждаясь прелестью весенней пробуждающейся природы и чувством полнейшей свободы и безмятежности. Стоит ли говорить, что было у нас много интересных встреч с животными: и с лосями, и с маралами, и с барсуком, и с бурундуками, и с пернатыми. Видели мы издала и медведицу с медвежонком. Но вот подкараулить медведя и подойти к нему на близкое расстояние – никак не получалось. А должен вам сказать, хороший снимок медведя – это предел мечтаний любого натуралиста. Это я знаю на основе длительного личного общения с егерями и научными сотрудниками заповедников. Крупный хищник, снятый не в зоопарке, а в дикой природе – это восторг, апогей творчества, апофеоз жизни! Но хватит, дорогой читатель, надеюсь, вы прониклись чувством благоговения перед медвежьим фототрофеем. Что касается Юры, то он со своими цветочками надоел мне ужасно. Последние дни при виде кофра у меня глаз стал дергаться и мысли стали появляться нехорошие. Лошадь Юрина, которую я все время держал, пока он над «ботаникой» колдовал, как-то странно на меня смотреть стала, вроде бы с участием или сожалением. Ну, думаю, хоть бы он какого-нибудь завалившего медведя сфотографировал, что ли, и успокоился. Сказал ему про медведя, а он, бедный, аж дрожит весь, так ему зверя хочется запечатлеть. Я даже шантажировать Юрку стал, только он хочет с лошади слезть за очередным цветочком или там закатом, а я встревожено говорю: - Слушай, давай немного вперед проедем, вон на тот увал, вдруг там медведь пасется. Ну, он про цветочек-то и забудет. Голубая мечта у него была – медведь. Наконец доехали мы до речки Кальджир, дорога уже к дому повернула. Остановились в новом рубленом доме, недавно его здесь наши егеря построили. Поужинали и расположились по-царски: печка, кровати, сухо, тепло. Перед сном наметили план: если дорога будет, съездим еще по Кальджиру, посмотрим колонию сусликов, единственную в заповеднике – и домой. Проснулись утром – дождичек моросит, небо в тучах, погода неважная, но терпимая. Решили мы все-таки поехать на экскурсию. Быстренько собрались. Я уже на лошадь сажусь, а Юра задумчиво так говорит:

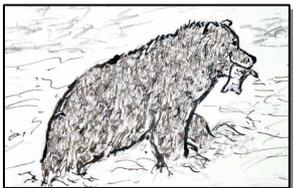
- Как ты думаешь, фотоаппарат брать?

И тут меня прорвало:

- Да ты что! Ты на небо посмотри, кто же в такую погоду снимает. Ни солнца, ни света, ни красок, ни тебе перспективы, ни экспозиции. Сплошная свинцовая серость и туман. Да и что мы там фотографировать

будем? Сусликов, что ли? Дорога не близкая, вдруг аппаратуру побьешь, вдруг лошадь споткнется, или намочишь что-нибудь. Да у тебя последняя пленка осталась надо ее беречь. Да хватит уже снимать, да зачем, да ну его, да... - в общем я его наконец-то уговорил.

В первый раз мы поехали на экскурсию без фотоаппаратов. Я даже повеселел, еду так радостно, а Юрка сзади тащится. Собаки встали было за нами, но потом покрутились на месте и опять легли, устали бедолаги, да и поняли, что поехали мы просто прогуляться. Едем, значит, по левому берегу Кальджира, а погодка стала получше. Дождик кончился, ветерок поднялся, туман в клочья разорвал, а тут и солнышко брызнуло. А скажу я вам: такого солнца, как на Маркаколе, больше нигде нет. И если уж оно засветило, то на всем озере праздник. Все радуется и ликует. Подъехали мы к самой реке, коней напоить спешили, смотрим, а по тому склону, прямо напротив нас, к реке медведь спускается. Кальджир - речка небольшая, но горная и шуму много. Медведь-то нас и не слышит, да и ветер был подходящий. Мы замерли, а он к реке спустился и давай рыбу ловить. Бегаёт по мелководью, брызги летят. Схватил ускуча за голову, вытащил на берег, лапой придавил и рвет зубами, как собака. Кальджир шумит, пенится, камни перекатывает, солнышко в воде играет, на склоне свежая весенняя травка зеленеет, цветочки раскрылись, на горизонте скалы дыбятся, лиственницы как колонны стоят, а в центре этой картины медведь ускучом лакомится. И все это великолепие в каких-нибудь тридцати метрах от нас. Слышу я, а Юра аж зубами заскрежетал: «Фотоаппарат...», а фотоаппарата-то как раз и нет. Медведь между тем ускуча съел и за новым погнался, бегал, бегал по берегу, еще одного поймал и на траву вытащил, а потом голову поднял и принюхивается. Мы думали, нас почуял, но нет, он вверх по реке пошел, тихо подошел к большому камню и давай его обнюхивать, вдруг как прыгнет в сторону и бегом вверх по склону, еще минуту на виду был и скрылся. Чего он напугался, мы до сих пор не знаем, может быть, змея под камнем лежала. Только вот бояться медведи змей или нет – не слышал. Медведь скрылся, напряжение спало, лошади траву стали жевать, а Юра на меня смотрит:

- Ты во всем виноват, ведь он пятнадцать минут на наших глазах рыбу ловил, я бы его на таком расстоянии во всех ракурсах снял, ведь красавец медведь, такого случая больше никогда в жизни не будет.

Поехали мы домой скучные. Ухи поели, я и говорю:

- Не грусти друг. Нам же повезло, погода хорошая, воздух свежий, вода чистая, кони сыты, собаки здоровы, мы с тобой живы и домой едем, где нас жены ждут. Медведя этого мы на всю жизнь запомним, а взял бы ты фотоаппарат, то

может никого бы, мы не встретили. Это же жизнь, это охота...

В.М. Шакула, Аксу-Жабаглы

Анекдоты

-А что это у тебя рука забинтована?

-Да вчера дятла с ладошки кормила...

Идет негр с попугаем на плече. Мужик у пивного ларька смотрит удивленно на них и спрашивает:

- Ты где его взял?

Попугай отвечает:

- В Африке! Их там миллионы!

Внимание! Все номера газеты “Ремез” теперь можно прочитать на сайте АСБК www.acbk.kz в разделе Библиотека. (Газеты размещены в формате PDF)

Редакция:

В.В. Хроков -- (тел.223 08 35).

В.Н. Дворянов -- (тел.224 05 54)

Иллюстрации и дизайн – В.Н. Дворянов

Email: vkh.remez@mail.ru

dvorianov36052@mail.ru

Председатель ОЛП «Ремез»

Игорь Сербин (тел. 383 70 25)

serbin-igr@mail.ru

Логотип ОЛП – Ф.Ф. Карнов

Тираж 90 экз.